

3. Cainelli, G., R. Evangelista and M. Savona (2006). Innovation and economic performance in services: a firm-level analysis. *Cambridge Journal of Economics* 30(3), 435–458.
4. John. H. Dunning. *International Business and the Future of the Multinational Enterprise*, Centre for International Business Studies, Dalhousie University. 1980. pp.158.
5. Faeth I. (2008). Determinants of Foreign Direct Investment: A Tale of Nine Theoretical Models. *Journal of Economic Surveys* 23.1, pp. 165–196.
6. Gonchar, K. and Ph. Marek (2013). Natural-resource or market-seeking FDI in Russia? An empirical study of locational factors affecting the regional distribution of FDI entries. Discussion paper, No. 3. Halle Institute for Economic Research.
7. Hayter R. (1997). *The dynamics of industrial location: the factory, the firm, and the production system*. Wiley Chichester.

**Русскоговорящие мигранты в Европе из категории advanced women и других групп: готовность к интеграции, открытию бизнеса и межкультурному диалогу
(представление результатов исследования)**

УДК 314.74

**Сандлер М.Р.,
Президент,
Международный институт миграционных
и гендерных исследований (IMAGRI),
г. Брюссель, Бельгия**

АННОТАЦИЯ: Исследования института ИМАГРИ, которые проводились в течение последних лет, позволяют сделать следующие выводы о некоторых миграционных потоках из экс-СССР в Европу. У категории мигрантов WMA (Women Advanced Migrant), которой занимаемся мы, высоко развиты навыки кросс-культурной коммуникации, однако и это примерно в половине случаев не решает проблему самореализации в карьере, и, соответственно, в обществе – для данной категории два этих понятия неразрывны.

Для «нашей» категории мигрантов, количество которых в Европе неуклонно увеличивается, необходимы специальные программы интеграции через интрапренерство, так как эта методика работает, что и доказал наш проект RESTART, осуществлявшийся в течение 2011-2014 гг.

Сравнительный анализ анкет разных групп мигрантов продемонстрировал: достаточно сложную для Европы группу, независимо от страны нового пребывания, представляют сегодня мусульманские мигранты из постсоветского пространства. Для данной части мигрантов не работают традиционно считавшиеся основополагающими для интеграции принципы одного общего языка и одного общего географического пространства. Интеграционные европейские институты не учитывают этого в подходах к адаптации русскоговорящих мигрантов в Европе, что является их основной ошибкой. Очевидно, что решение этой проблемы потребует более глубокого анализа.

Ключевые слова: русскоговорящие мигранты, мигранты категории advanced women, адаптация, интрапренерство, кросс-культурная коммуникация

Брюссельский Международный институт миграционных и гендерных исследований (IMAGRI) изучил социальную адаптацию в Европе русскоговорящих мигрантов из категории Women-Migrants Advanced (WMA) на примере Бельгии, Германии, Франции [1].

Термин «WMA» был введен нашим институтом около 5 лет назад, когда мы начали заниматься данной категорией мигрантов. Под WMA мы подразумеваем женщину-мигранта, прибывшую в Европу из страны, входившей в СССР, имеющую, как минимум, 1-2 высших образования и занимающую активную социальную позицию.

Такие женщины стремятся к успешной самореализации в новом социуме и не желают мириться с потерей социального статуса в связи с переменой страны проживания, считают себя способными к саморазвитию и достижению высоких результатов в новых социально-культурных условиях.

Наше первое исследование было проведено в Германии и Бельгии и касалось нескольких категорий мигрантов. Мы решили сравнить их с категорией WMA, как мы ее определяем, выявить различия и сходство в адаптации «нашей» группы мигрантов с другими группами.

В ходе исследования удалось определить отношение русскоговорящих мигрантов к европейским ценностям: восприятие, готовность прививать их своим детям, силу стремления к этому у различных категорий мигрантов, а также то, от чего она зависит. На наш взгляд, исследование уверенно показало, как ведется кросс-культурный диалог «наших» мигрантов с представителями других культур в стране проживания в Европе.

Перед обследуемыми русскоговорящими мигрантами был поставлен вопрос: *«Как вы представляете свою жизнь в Европе через 10 лет?»* Среди респондентов оказались все группы переселенцев – от только что приехавших до живущих в ЕС 5-8 и более лет. В фокус мониторинга попали, в том числе, и гендерные (женские) группы.

По многим данным, женщины составляют большинство среди живущих в Европе наших соотечественников, присутствуя в значительном числе во всех секторах миграции: семейной (как создание, так и воссоединение семей), интеллектуальной (как специалисты, так и как члены их семей), трудовой (в основном из постсоветского пространства, но не из России). Они составляют «скрытое большинство» в русскоязычной миграции в Европу [2].

Работая с женщинами-мигрантами, устанавливая контакты с различными общественными организациями, советуясь со специалистами, исследователи обратили внимание: женщины представляют собой не только значительную, но и чрезвычайно активную (как общественно, так и культурно) часть переселенцев. Таким образом, исследование дополнилось новой темой для мониторинга: *гражданская активность современной русскоговорящей иммиграции в Европе.*

Хотелось бы обратить особое внимание на следующие количественные характеристики анкетирования [3] :

1. Ранее примерно 22 % иммигрантов проживали в крупных городах – Москве, Санкт-Петербурге; 35 % – в регионах России; 55 % – в Украине, Беларуси, Азербайджане, Узбекистане, Литве, Молдове, Грузии, Латвии, Армении.

2. В 70 случаях из 100 эти женщины вышли замуж за иностранцев и таким образом оказались в Европе, либо приехали работать или учиться, и уже потом вышли замуж за европейцев.

3. Представления женщин о будущем весьма конструктивны, их планы конкретны.

4. Русскоговорящие женщины, имеющие детей, активно занимаются их всесторонним образованием: сохраняют им родной русский язык, одновременно адаптируя их к европейской жизни; осознают проблемы двуязычия детей.

5. Высокий уровень образования: в 95 случаях из 100 женщины имеют 1-2 высших образования.

6. Профессиональные группы: менеджеры различных областей, переводчики, работники евроинституций, частные предприниматели, студенты институтов, высших школ и курсов.

7. Замужних женщин среди обследованных примерно две трети, незамужних – треть; подавляющее количество разводов произошло уже в Европе.

8. Обследованные женщины сегодня ведут в новой стране активную жизнь: работают или учатся; участвуют в общественных организациях или посещают их, а также русские и европейские культурные мероприятия; читают русскую и европейскую прессу.

9. Большинство считают себя адаптировавшимися или почти адаптировавшимися.

10. При ответе на вопрос о том, кем должны чувствовать себя их дети, женщины категории «адванс» выбрали ответы, которые подразумевают для них близкие понятия – «гражданин Европы», «гражданин мира», «гражданин Европейского союза», но при этом подчеркивали, что они должны помнить о своих русских корнях.

Таким образом, русскоговорящие матери-мигранты активно сохраняют у своих детей русский язык и русскую культуру, одновременно стараясь делать все возможное, чтобы привить им европейские ценности.

В наших анкетах были вопросы относительно обычаев и правил жизни новой страны проживания. Именно интересовавшая нас категория женщин отметила, что активно перенимает кулинарные традиции, стиль одежды, деловую и бытовую манеру общения, т.к. хочет именно здесь продолжить свою жизнь и карьеру. Результаты исследования позволяют сделать выводы о высокой степени готовности женщин WMA к ведению кросс-культурного диалога.

Однако для получения более объективной картины мы обследовали и другие группы мигрантов, также являющихся активной частью населения: мужчин и женщин в возрасте от 25 до 45 лет со средним образованием. Их ответы существенно отличались от ответов респондентов из предыдущей группы.

Мигранты из бывших союзных республик: Грузии, Армении, Молдовы, стран Балтии – принадлежащие к местным этносам немусульманского вероисповедания – отвечали на вопрос о русском языке и о русской культуре отрицательно. Они писали, что у них есть свой язык и своя культура, которую они и будут прививать детям. Однако их ответы на вопросы интеграционного толка практически совпали с ответами предыдущей категории респондентов: им тоже хотелось бы, чтобы их дети чувствовали себя гражданами страны, где сейчас проживают, или «гражданами Европы», поэтому они положительно настроены на восприятие новых для себя культурных ценностей [3].

Однако ответы большинства респондентов из традиционно мусульманских регионов СССР (Чечня, Ингушетия, Азербайджан) оказались абсолютно негативными. Отметим: мусульманскими являются только местности их предыдущего проживания; относительно реального вероисповедания обследуемых нам ничего не известно – выяснение этого вопроса не было задачей исследователей.

Относительно русского языка и культуры, а также языка и культуры нынешней страны пребывания, бывшие жители мусульманских областей и стран (до 90 %) отвечали негативно, подчеркивая, что «им это не нужно». Поясняющие ремарки были практически одинаковыми: «У нас есть свой язык и своя культура». Они не хотят ничего перенять из обычаев новой страны – ни кухню, ни какую бы то ни было культуру (делового общения, ценности литературы и искусства), ни манеру одеваться.

В вопросах интеграции в новой стране, как показало исследование, не имеет никакого значения, из какой страны мусульманского мира и в какую страну Европы приехал человек – из Алжира, Марокко или из Чечни, т.е. из России.

Данное исследование, на наш взгляд, предоставляет всем госструктурам и прочим социальным институтам в Европе, работающим с мигрантами и внедряющим новые интеграционные программы, абсолютно свежую информацию.

В Европе много исследуется мусульманская иммиграция, пишутся и издаются научные работы, в которых освещаются ее особенности. Этой темой занимаются ученые в различных университетах, однако они не выделяют мигрантов-мусульман среди прочих приезжих из стран бывшего СССР. Во всяком случае, отрицательный ответ на столь «узкий» запрос мы получили в университетах Брюсселя, Лёвена, Антверпена. Всех русскоговорящих мигрантов, прибывших из бывших советских республик, они объединяют в одну группу, что нам представляется в корне ошибочным.

Теоретический просчет влечет неверный практический подход к интеграции русскоговорящих мигрантов в Европе, которые, как показали наши исследования, вовсе не являются монолитной группой. И ИМАГРИ стал говорить об этом одним из первых.

Следуя нашей логике, к примеру, в Бельгии, было бы правильнее (и эффективнее) интегрировать чеченских мигрантов по тому же типу, что и марокканских, а не русских, как это происходит сейчас. А в Германии – по «турецкому» типу.

Как мы сумели убедиться, в случае с мусульманами (даже свободно владеющими русским языком, и именно поэтому относимых другими исследователями к «русским») принцип одного общего языка не работает. Именно поэтому хорошо понимающих русский и даже говорящих на нем мигрантов, которые прибывают в Европу и, в частности, в Бельгию, в большом количестве, особенно в последнее десятилетие, скажем, из Чечни, неверно оценивать и невозможно интегрировать гомогенно.

Приезжающие из этой республики в составе России люди относятся к совершенно различным группам с абсолютно разными задачами и целями в иммиграции, хотя и прибывают они действительно из одного географического региона.

По нашему мнению, составленному на основе данных проведенных исследований, мусульманских мигрантов из России в Европе следует причислять не к русскоговорящей, а к общей мусульманской иммиграции. И этот вывод представляется нам крайне важным.

Хотелось бы остановиться еще на одном исследовании, которое проводилось по европейскому гранту Грюндтвиг в отношении участниц проекта RESTART. Этот проект был создан ИМАГРИ и реализовывался в течение двух последних лет в Бельгии, Франции, Чехии и Шотландии.

Идея RESTART'a заключалась в помощи женщинам-мигрантам в получении новых интрапренерских (деловых) навыков, которые позволили бы им начать в Европе новую карьеру, либо улучшить уже начатую. В проекте принимали участие только WMA. Данное уточнение важно: эта категория женщин не просто образованных, но и желающих сделать новую карьеру в новой стране. Их следует отделять от других европейских женщин-иммигрантов, нередко тоже с хорошим образованием, которые совершенно не ставят перед собой карьерных задач, а переехали в другую страну, чтобы просто, например, «быть в Европе замужем».

«Нашим» женщинам-респондентам было предложено несколько анкет на тематических семинарах в разных странах. В частности, семинар в Бордо, который готовили совместно ИМАГРИ и общественная организация «РОССИЯ-АКВИТАНИЯ», занимающаяся преподаванием русского и французского языков, был посвящен языковым и коммуникативным компетенциям.

Мы составили анкету и в 2013 году провели опрос. ИМАГРИ, обработав результаты, получил идеальный портрет «женщины – кросс-культурного коммуникатора».

Большой блок вопросов «Исследования потребностей в развитии лингвистических и коммуникативных компетенций социально активных женщин-мигрантов (WMA) Чехии, Шотландии, Бельгии, Франции» был посвящен межкультурной коммуникации: оценке уровня соответствующих компетенций женщин-иммигрантов и потребностей в их развитии. В опросе приняли участие 4 группы женщин по 10 человек из четырех указанных стран. Таким образом, мы обработали 40 анкет участниц проекта RESTART и результаты фокус-групп с ними. Суть вопросов и большое количество (96 %) положительных ответов дает четкое представление о достаточных компетенциях этих женщин в кросс-культурных коммуникациях.

Кроме уже отмеченного, обращает на себя внимание высокий уровень толерантности респонденток, продемонстрированный при ответах на вопросы анкеты. Именно отсутствие терпимости, как показывают практики по специфике кросс-культурных коммуникаций, с головой выдает мигрантов из постсоветского пространства, узнаваемых в Европе, в частности, еще и по этому признаку. Толерантность у бывших наших соотечественников иногда (но далеко не у всех) появляется после как минимум 5-летней жизни в европейской стране, а ведь без нее кросс-культурный диалог невозможен, и путь по его ведению становится тупиковым.

Исследования в рамках проекта RESTART преследовали еще одну цель: установить связь между хорошими способностями к кросс-культурным коммуникациям у WMA и возможностями их реализации (как профессиональной, так и общей).

Об участвовавших в обследовании женщинах нам известно несколько больше, нежели отражено в их ответах на анкеты (в частности – «бэкграунд»: социальное происхождение, предыдущие и нынешние условия жизни, образование и т.д.). Эти сведения позволили сделать наши выводы еще более достоверными.

Обследованные женщины представляют собой просто идеальный пример «межкультурных коммуникаторов» по своей готовности и подготовленности к кросс-культурному диалогу.

Очень часто возможность адаптации, а, следовательно, и полной интеграции, успеха в карьере ставится в прямую и абсолютную зависимость от владения языком и навыками межкультурного диалога. Этот тезис часто звучит и в речах чиновников департаментов интеграции в Европе.

В нашем исследовании почти все женщины (практически в 96 % случаев по двум группам вопросов, см. выше) абсолютно точно попадают в образ «специалиста по мультикультурному диалогу». Но только около 50 % из них сегодня реализованы в новой стране, имеют хорошую работу, соответствующую статусу, правда, мечтают о лучшей. Остальные 50 % не реализовались. Одни хотели продолжить рост, другие – начать его.

Платформа ЕПАВ и институт ИМАГРИ всегда стараются использовать свои мероприятия, в том числе, и для мониторинга WMA, обсуждая вопросы карьерной реализации, так как именно она является основой хорошего самочувствия в новой стране.

Данные от сентября 2014 г. подтверждают эмпирические выводы, которые были сделаны нами ранее по итогам многочисленных опросов, мониторингов и фокус-групп, проводимых в течение 6 лет (с момента основания ИМАГРИ в 2008 г.).

Замечено, что в начале обсуждения практически все участницы говорят о необходимости ассимилироваться, знать язык, культуру и прочее, так как это, по их мнению, снимает все барьеры в реализации. К концу разговора, когда начинается детальная проработка ответов в фокус-группе, выясняется, что часть аудитории уже владеет несколькими иностранными языками, имеет высшее образование, однако не работает на том уровне, на котором желает, либо не может найти эту работу вообще.

Многолетний мониторинг ситуации позволил нам сделать следующий вывод: владение иностранными языками и прекрасные навыки межкультурного диалога не решают проблему полной реализации иммигрантов.

Этот наш вывод не поддерживается распространенных в Европе представлений о реализации и интеграции. На многочисленных работающих здесь интеграционных курсах обучают, кроме языка, еще и заполнению анкет, CV и проч. Однако специальное обучение WMA интрапренерским приемам, как и система обучения, в котором бы участвовали психологи и социологи, отсутствует. А это существенно тормозит для WMA «поиск себя» и своего места в бизнесе, а значит, и в новом европейском обществе.

Таким образом, проанализировав полученные данные, можно не просто констатировать наличие проблем у миграционных потоков из экс-СССР (это давно ясно многим исследователям), а уверенно заявить: *проблемы различных групп мигрантов даже из одной страны различаются очень сильно.*

У категории мигрантов WMA, которой занимаемся мы, высоко развиты навыки кросс-культурной коммуникации, но при этом примерно в половине случаев не решена проблема самореализации в карьере, и соответственно, в обществе – для данной категории два этих понятия неразрывны.

Для «нашей» категории мигрантов, количество которых в Европе неуклонно увеличивается, необходимы специальные программы интеграции через интрапренерство, так как эта методика работает, что доказал наш проект RESTART, проводившийся в течение 2011-2014 гг.

Для того, чтобы подробнее исследовать проблемы нашей группы мигрантов, мы подготовили новый блок вопросов по предпринимательству и попросили представительства в нескольких странах провести фокус-группы «на местах» по обсуждению этих вопросов. Результаты мы получили в конце 2014-го года, они уже частично обработаны и впервые представлены в этой статье.

Мы не ограничились просто анкетированием, т.к. нам было важно, что «на местах» наши коллеги уже работали с этими женщинами – именно эти респонденты уже участвовали в наших опросах, и они не являются для нас абсолютно анонимной и безликой группой. Эти женщины уже давно проживают в европейских странах, имеют некий опыт интеграции, адаптации и даже построения бизнеса. В этот раз мы хотели услышать от них, через что они прошли, какие реальные трудности им пришлось преодолеть.

Фокус-группы проводили наши представительства в Чехии, Болгарии, Германии, Испании. И конечно, нами была сделана фокус-группа в Бельгии. Примерное число участниц исследования в странах – от 12 до 15 чел.

Один из первых вопросов был: *«Хорошо ли вы знали условия жизни в стране, в которой собирались остаться?»* О хорошем предварительном знании страны заявили мигранты из Германии, и это обоснованно, т.к. миграционный поток русскоговорящих «течет» в эту страну уже более 25 лет. О своем незнании сообщили мигранты в Чехии, Болгарии, Бельгии, Испании.

На вопрос, *были ли трудности с адаптацией*, отрицательно ответили в Болгарии и Чехии – и это интересно, так как подтверждает гипотезу о том, что близкая культура, близкий и почти понятный язык играют для «приживаемости» мигрантов в новой стране очень большую роль. Мы видим, как сегодня растет поток русскоязычных мигрантов, к примеру, в Чехию, Словению. Но ведь в этих странах нет никаких социальных пакетов для мигрантов – здесь могут остаться жить только предприниматели.

Вот самые свежие статистические данные по Чехии, полученные нами в Брюсселе на конференции *Better Work For Immigrants (18.11.2014)*, организованной при участии Еврокомиссии. *М. Штепанова*, глава Департамента занятости иностранцев Министерства труда и социальных дел Чешской Республики, в интервью ИМАГРИ привела такие цифры, имевшиеся на тот момент, по русскоговорящим трудовым мигрантам в Чехии: из Украины – 104 272 чел., из России – 34 438; также в этой стране имеется небольшая группа мигрантов из Узбекистана и Белоруссии. Стабильно сегодня растет миграция в Чехию из Украины.

На вопрос, *кто или что могло бы помочь быстрее адаптироваться в стране* – большинство давало два ответа: «Родственники или знакомые, давно живущие в стране» и «Изучение языка». И практически никто не выбрал вариант ответа про интеграционные курсы или тренинги.

На вопрос, *что вас беспокоит (беспокоило) в стране*, многие отвечали: «Непривычные условия жизни», и только в Бельгии несколько респондентов дали ответ: «Негативное отношение к мигрантам».

На вопрос, *как справиться с беспокойством и трудностями*, все заявили, что предпочитают читать о стране в Интернете и СМИ и общаться с теми, кто в эту страну переехал уже давно. Ответ «пользуюсь услугами психолога» не отметил никто, хотя ИМАГРИ проводил консультации и с русскоговорящими психологами в Бельгии. Их впечатления от клиентов из среды русскоговорящих мигрантов следующие:

1. В основном к специалистам обращаются семьи, где ребенок имеет проблемы в школе в новой среде.

2. Семьи не проходят испытание миграцией.

3. Интернациональные семьи имеют проблемы межкультурного диалога в семье.

4. Часто на прием приходят женщины из нашей группы WAM с типичной проблемой недовостребованности и нереализованности в новых реалиях. Невозможность претендовать на тот же статус, что был в родной стране – причина самых больших личных драм в иммиграции.

На ключевой вопрос: «*Что мешает женщинам-мигрантам развивать бизнес в новой стране?*», каждый третий ответ – 30 % – был: «Отсутствие продуктивной идеи». И более 50 % отметили два варианта: «Отсутствие стартового капитала» и «Наличие маленьких детей». Безусловно, и «незнание языка» также отмечалось в качестве важного, но, как мы убедились, не решающего фактора.

Мы продолжаем работу с материалами по фокус-группам, поэтому полный анализ результатов исследования еще не готов. Однако один вывод настолько очевиден, что его можно сделать и огласить уже сейчас: *мигранты не возлагают больших надежд на местные интеграционные курсы и не слишком доверяют полученным там знаниям. А занятия они посещают, так как это для вновь прибывших обязательно.*

Программы таких курсов требуют серьезной доработки, т.к. должны учитывать разные статусы мигрантов. На сегодня практически все курсы «настроены» на так называемых мигрантов “low-skilled jobs” and “middle skilled jobs”.

В заключение, кратко, в нескольких предложениях, среди приоритетных на сегодня тем в Европе можно отметить следующее:

1. За последний год количество проводимых специалистами конференций по теме миграции возросло в разы в Европе вообще и в Брюсселе в частности. Однако все эти конференции, к сожалению, посвящаются темам, связанным с малообразованной миграцией.

2. Европа любит создавать темы не на года, а на десятилетия. Много проектов проходило и проходит, например, под общим трендом Women-2020.

Слова об устойчивом развитии сейчас присутствуют в названиях многих конференций и форумов; вот и еще один перспективный «долгоиграющий тренд» от Европы – Sustainable Lifestyles-2050. Среди главных тем – как проблемы миграции, так и изменения климата.

ИМАГРИ продолжает следить за информацией и участвовать в европейских мероприятиях по миграционным процессам, мы будем рады сотрудничеству с организаторами Форума в Екатеринбурге и обмену актуальной информацией.

Литература:

1. Morgunova O. Russians in the City – «patriots» with a touch of spleen // International Migration and Gender Studies Institute Brussels, 2012. URL: www.imagri.org (дата обращения 3.03.2015).
2. Makarova N., Morgunova O. Russian Britons or British Russians” (in Russian) // (eds.) “*Russkoe Prisutstvie v Britanii*” (Russian Presence in Britain). Moscow: SEP, 2009. URL: www.imagri.org (дата обращения 5.03.2015).
3. Куприна Т.В., Сандлер М. Национальные особенности миграционных потоков в России и Европе // Институты развития демографической системы общества: сборник материалов V Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. С.88-93

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ: ВИДЫ И ФОРМЫ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ

УДК 314.74-057.875

Сергеева Л.В.

**Заместитель начальника отдела по воспитательной работе ИнФО
Уральский федеральный университет, Екатеринбург**

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы по проблемам академической мобильности, в частности учебной миграции, определены понятия, особенности, виды и основные этапы развития процесса адаптации иностранных студентов в стране пребывания, в частности социально-культурной адаптации, также рассмотрены некоторые виды адаптационных барьеров. Проводится анализ факторов, положительно и отрицательно влияющих на процесс адаптации студентов из других стран.

Ключевые слова: академическая мобильность, учебная миграция, социализация, социально-культурная адаптация, социально-психологическая адаптация, учебно-профессиональная адаптация, адаптационные барьеры

Abstract: The article discusses the problems of academic mobility, in particular educational migration, defined concepts, features, types and main stages of the process of adaptation of foreign students in the host country, in particular socio-cultural adaptation, also considered some kind of adaptation barriers. There is an analysis of the factors that positively and negatively affect the process of foreign students' adaptation.

Keywords: academic mobility, educational migration, socialization, social and cultural adaptation, social and psychological adaptation, training and professional adaptation, adaptation barriers

Начиная со второй половины XX в., массовая миграция населения стала одним из характерных явлений жизни мирового сообщества. Однако